

У КРОМКИ ОКЕАНА

Никакие неприятности не могут омрачить такое утро. Прохладно, пахнет шалфеем. В воздухе царит та ясность, что приходит в Южную Калифорнию, когда Санта-Ана¹ прогоняет туманы к морю. Воздух прозрачен, как хрусталь, и до заснеженных гор Сан-Габриэль, кажется, можно дотянуться рукой, хотя они и в сорока милях отсюда. Склоны голубых предгорий прорезаны глубокими ущельями. У подножий, простираясь до самой кромки прибоя, тянется широкая прибрежная долина, на которой при взгляде сверху не видно ничего, кроме верхушек деревьев: рощи апельсинов, авокадо, лимонов, маслин, живые стены пальм и эвкалиптов, тысячи видов декоративных растений — и природных, и выведенных человеком. Вся равнина кажется буйно разросшимся садом, а восходящее солнце раскрашивает пейзаж разнообразными оттенками зеленого.

По горной тропинке спускается человек, временами останавливаясь, чтобы полюбоваться окрестностями. Он идет небрежной дерганой походкой, играючи перепрыгивая с камня на камень. Несмотря на свои тридцать два года, поведением он напоминает мальчишку, убежавшего гулять в зеленые холмы. На целый бесконечный день...

---

¹ Ветер, дующий с одноименного перевала. (Здесь и далее примеч. пер.)

Человек одет в рабочие брюки защитного цвета, спортивную рубашку и замызганные теннисные туфли. Большие руки покрыты царапинами.

Временами он прерывает прогулку, хватаят воображаемую бейсбольную битку и резко взмахивает перед собой с громким возгласом: «Бац!» Голуби, бросая любовные игры, разлетаются в разные стороны, человек улыбается и скачет по тропе дальше. Красная шея, кожа в веснушках, блекло-голубые, будто сонные, глаза, соломенные волосы торчат во все стороны. Лицо длинное, скуластое.

Заглядевшись на парящую в небе «Каталину» — маленький гидросамолетик, человек вдруг спотыкается и делает несколько гигантских скачков, чтобы удержать равновесие.

— Не говори «гоп!» — крикает он, благополучно приземлившись на ноги. — Что за денек!

* * *

Человек этот направлялся к Эль-Модене. Со всех сторон туда же стекались его друзья: по одному и по двое, пешком и на велосипедах, чтобы встретиться на разрытом перекрестке. Взяв кто кирку, кто лопату, люди попрыгали в ямы и принялись за работу. Грунт летел в бункеры, кирки звонко разбивали камни, громкими голосами друзья делились новостями прошедшей недели.

Им повезло: в раскопе оказалась целая улица. Это был большой перекресток: четырехрядные асфальтированные дороги, белый бетонный бордюр, большие стоянки для автомобилей с заправочными станциями по углам и торговым центром позади. Домов уже не было, большая часть асфальта отправлена в переработку на химзаводы в Лонг-Бич, и люди продолжали зарываться глубже.

Когда человек подошел к ямам, друзья приветствовали его:

— Привет, Кевин, гляди, что я нашла!

— Привет, Дорис! Похоже, светофор.

— Один такой мы уже откапывали раньше. — Кевин присел на корточки над исторической реалией, осматривая ее.

— Теперь у нас их два. Видать, установили новый, а этот бросили.

— Щедрый народ!

Из другой ямы заохала Габриэла:

— Нет! Только не это! Телефонные линии, силовые кабели, газопроводы, пластмассовые трубы, светофоры, а теперь еще цистерна от автозаправки!

— Смотрите, целая куча пустых пивных банок, — сказал Хэнк.

— По крайней мере, хоть что-то они делали правильно.

* * *

Не прекращая раскопок, друзья расспрашивали Кевина о прошедшем заседании городского Совета, первом для Кевина как нового члена в его составе.

— До сих пор не пойму, как ты дал себя уговорить, — сказала Габриэла. Она работала на строительстве вместе с Кевином и Хэнком. Молодая, резкая и необузданная, острая на язык Габриэла часто ставила Кевина в затруднительное положение.

— Мне сказали, что это будет интересно.

Все рассмеялись:

— Ему сказали!.. Человек бывал на сотнях заседаний Совета, но стоило Джин Аурелиано пообещать, что будет интересно, Кевин Клейборн ответил: «О да! Теперь я понял, там весело».

— А что, может, так и будет — с нынешней-то поры?

Все снова засмеялись. Кевин стоял, не выпуская из рук кирку, и смущенно улыбался.

— Не будет там ничего веселого, — сказала Дорис. Она тоже состояла в Совете от партии «зеленых» и вы-

полняла обязанности наставника Кевина. Похоже, большого удовольствия ей это не доставляло. Они с Кевином жили в одном доме и были старыми знакомыми, так что Дорис прекрасно понимала, с кем связалась. Она повернулась к Габриэле:

— Джин выбрала Кевина, потому что ей в Совете нужна известная личность.

— Но это не объясняет, почему он согласился.

— Дерево, которое быстрее растет, скорее и срубят! — заметил Хэнк.

Габриэла усмехнулась:

— Ну ты как всегда... Думай, что говоришь, Хэнк.

* * *

Утро подходило к концу, воздух стал теплым. Они наткнулись уже на третий светофор, и Дорис нахмурилась:

— До чего же неэкономными были люди!

— Каждая культура расточительна ровно настолько, насколько может себе позволить, — отозвался Хэнк. — Это же гадко — бросать на землю фантики от жевательной резинки! А заодно светофоры, бетономешалки и...

— А что ты скажешь о шотландцах? — спросил Кевин. — Они всегда слыли очень экономными.

— Но они же были бедны, — пожал плечами Хэнк. — Они просто не могли позволить себе расточительности. Это только подтверждает мою точку зрения.

Дорис швырнула землю в бункер и возразила:

— Экономность — штука, которая не должна зависеть от жизненных обстоятельств.

— Видите, они могли побросать здесь эти вещи и спокойно удалиться, — сказал Кевин, постучав пальцем по светофору. — Какое свинство — вот так захоронить, вышвырнуть на свалку улицу вместе со всеми автомобилями.

Дорис потрянула своими короткими черными волосами:

— Ты ставишь все с ног на голову, Кевин, прямо как Хэнк. Ценности, или, говоря по-научному, человеческие мотивы, управляют действиями, а не наоборот. Будь это для них важным, они вытащили бы все дерьмо отсюда и использовали не хуже нас.

— Наверное, ты права.

— Все просто, как велосипед. Ценности — это движение педалей вниз, а действия — движение вверх. А именно движение вниз толкает нас вперед.

— Хорошо, — сказал Кевин, вытерев пот со лба, и на миг задумался. — Но если ты наденешь туклипсы, то сможешь двигаться вперед и за счет подъема педалей. По крайней мере, у меня это получается.

Габриэла быстро взглянула на Хэнка:

— За счет движения педалей вверх, Кевин? В самом деле?

— Да, с туклипсами. Разве они не дают толчок?

— Ты чертовски прав, Кевин. Поднимая ноги, я получу целый вагон энергии. И маленькую тележку в придачу.

— Да постой ты! — махнул рукой на Габриэлу Хэнк. — А как много энергии они дают?

— Ну, думаю, процентов двадцать или около того, — сказал Кевин.

Габриэла прервала их диким хохотом:

— Ха-ха-ха! И еще раз — ха! Мысль, достойная обсуждения в городском Совете! Нету моченьки! Жду не дождусь, когда увижу, как он ударится в дебаты с Альфредо! Идиотские туклипсы — вот за что он будет сражаться в Совете!

— А что, — упрямо твердил Кевин, — ты разве не получаешь энергии, когда тянешь педали вверх?

— На двадцать процентов? — спросил Хэнк заинтересованно. — И это все время так или только когда хочешь дать отдых основным мышцам ног?

Дорис с Габриэлой посмотрели друг на друга и охнули. Мужчины ударились в техническую дискуссию. Габриэла проворковала:

— Кевин выступит на Совете и будет говорить с Альфредо о туклипсах! Он скажет: «Слушай меня, Фредо, а не то я тебе кровь отравлю!»

* * *

Дорис хихикнула, а Кевин внезапно нахмурился. Габриэла напомнила случай, который произошел с Кевином в начальной школе, когда его вместе с другими учениками вызвали обсудить изречение «Перо сильнее меча». Кевин должен был начать диспут в защиту этого выражения. Он стоял перед классом, красный как рак, крутил руками, раскачивался из стороны в сторону, шлепал губами, отдувался то и дело, пока наконец не изрек, нерешительно моргая:

— Ну если, например, у вас есть перо... и вы когонибудь им ткнете, то можно чернилами кровь отравить!

Все так и попадали с мест. Мистер Фримен уткнулся головой в стол и, зайдясь в беспомощном хохоте, утирал слезы.

Того случая не забыл никто. Иногда Кевину казалось, что все его знакомые были в тот день с ним в классе, даже люди вроде Хэнка, который лет на десять старше его, или Габриэлы, которая на десять лет моложе. Абсолютно все!

* * *

Они копали глубже, натываясь на скатанные валуны из песчаника. На протяжении тысячелетий русло реки Сантьяго-Крик благодаря аллювиальным отложениям перемещалось вдоль гор Санта-Ана, и складывалось впечатление, что когда-то вся Эль-Модена была ложем

этой реки, потому что валуны встречались повсюду. Продвигались они слишком медленно; работа велась «на благо города» и считалась скорее развлечением, а потому обвинений в нерадивости не возникало. В Эль-Модене требовали отработать для города десять часов в неделю, и возможностей для таких обвинений было сколько угодно. Они старались не принимать сердитые замечания близко к сердцу.

— А где Рамона? — спросил Кевин. Дорис взглянула на него снизу вверх:

— Как, ты разве не знаешь?

— Нет, а что?

— Они с Альфредо разошлись.

Это привлекло внимание всех. Некоторые побросали лопаты и подошли к Дорис, чтобы услышать историю.

— Он съехал из дома, забрав вещички, и отправился в Редхилл. С партнерами.

— Да ну, врешь!

— Нет. Я точно знаю, в последнее время они ругались больше, чем раньше. Так все в их доме говорят. Во всяком случае, Рамона сегодня утром ушла гулять.

— А игра как же? — спросил Кевин. Дорис воткнула лопату в дюйме от его ноги:

— Кевин, а тебе не кажется, что есть вещи поважнее софтбола?

— Ну конечно, — пробормотал он, мучительно вдумываясь в ее слова.

— Рамона сказала, что к началу игры вернется.

— Это хорошо, — проговорил Кевин, а потом увидел выражение лица Дорис и быстро добавил: — То есть плохо. Действительно, очень плохо. Вот так номер!

Он задумался о Рамоне Санчес. Первый раз за все время с девятого класса.

Дорис обожгла его взглядом и отвернулась. Коротковатые загорелые ноги, все в пыли ниже зеленых нейлоновых шорт; выгоревшая рубашка без рукавов была